

Зайцева Татьяна Борисовна

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА И КИРКЕГОР: ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА

В статье впервые рассматривается история изучения вопроса "Русская литература XIX века и Киркегор", выявляются основные направления исследования данной темы. Опираясь на труды филологов, философов, культурологов, автор приходит к выводу об обоснованности, актуальности и перспективности дальнейшего изучения вопроса. Особого анализа требует эпоха Серебряного века, когда пробудился подлинный интерес к философским воззрениям Киркегора.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/22.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (35): в 2-х ч. Ч. II. С. 84-88. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

13. *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 2013. Februar.
14. *Freiheit*. 1968. August.
15. Heller M. Code Switching and the Politics of Language // One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching / L. Milroy, P. Muysken. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 158-174.
16. *Karstadt*. 2013. Winter. № 5.
17. Kelly-Holmes H. Advertising as Multilingual Communication. N. Y.: Palgrave MacMillan, 2005. 206 p.
18. Newmark P. A Textbook of Translation. N. Y.: Prentice-Hall International, 1988. 292 p.
19. *Peugeot Ausgabe*. 2014. Januar.
20. *Spiegel*. 2013. Juni. № 23.
21. *Villeroy & Boch*. 2013. Dezember.
22. Yves Rocher. 2013. Dezember.

THE SYMBOLIC USE OF CODE SWITCHING IN ADVERTISING: DIACHRONIC PERSPECTIVE

Zhiganova Anna Vladimirovna
Linguistics University of Nizhny Novgorod
ann-zhi1@yandex.ru

The article is devoted to investigating the specifics of the symbolic aspect of code switchings by the material of German advertising discourse. The comparative analysis of the functioning of code switching in advertising addresses of the modernity and the beginning of the second half of the XX century represents the extension of the symbolic role of English inclusions. At the modern stage the English language is capable not only of announcing the advertised object as a product of the English-language culture but of representing values topical for the epoch of globalization.

Key words and phrases: code switching; the English language; advertising discourse; globalization; sociolinguistics.

УДК 821.161.1.0

Филологические науки

В статье впервые рассматривается история изучения вопроса «Русская литература XIX века и Киркегор», выявляются основные направления исследования данной темы. Опираясь на труды филологов, философов, культурологов, автор приходит к выводу об обоснованности, актуальности и перспективности дальнейшего изучения вопроса. Особого анализа требует эпоха Серебряного века, когда пробудился подлинный интерес к философским воззрениям Киркегора.

Ключевые слова и фразы: русская литература XIX века; литературно-философские параллели; экзистенциальная философия; киркегоровская парадигма; экзистенциальная позиция; эстетическое и этическое.

Зайцева Татьяна Борисовна, к. филол. н., доцент

Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова
tbz@list.ru

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX ВЕКА И КИРКЕГОР: ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОПРОСА[©]

Тема «Русская литература XIX века и Киркегор» давно привлекает к себе внимание философов и литературоведов, поскольку оригинальная философия Киркегора, сугубо индивидуальная, *единичная* и одновременно универсальная, позволяет значительно расширить представление о художественно-философских исканиях и открытиях русской литературы.

В качестве обуславливающей особенности философии Киркегора многие читатели и исследователи прежде всего осознают ее религиозный вектор. Всем своим творчеством Киркегор решал высочайшую и всеобъемлющую для себя жизненную задачу: как обрести подлинную экзистенцию, что означало для него стать христианином, «рыцарем веры», как совершить прорыв к подлинной вере. Так, О. Ф. Больнов подчеркивал: «...если в кризисные времена крайнего отчаяния последним прибежищем мог бы оказаться возврат к чистому существованию, то построение нового человеческого бытия удается все же лишь на основе силы вновь обретенной веры. Вокруг этого движения веры и отчаяния по сути дела уже кружила вся мысль Кьеркегора, и лишь последующее развитие выделило из первоначально двойственного отношения –чистую” экзистенциальную философию» [3, с. 174]. Датский теолог, религиозный писатель, несостоявшийся пастор, основатель *христианского* экзистенциализма целенаправленно, хотя и непрямыми путями, не только сам устремлялся, но и вел своего читателя к Богу, резко критикуя современную церковь, современное христианство и современного христианина. В этом смысле в русской литературе к нему ближе всего оказываются Достоевский, Лев Толстой и Гоголь.

Одним из первых тему «Русская литература и Киркегор» затронул Лев Шестов в публичном докладе «Киркегард и Достоевский» (прочитан в 1935 г.), который стал предисловием к книге «Киркегард и экзистенциальная философия» (1939 г.). Русский философ-экзистенциалист рассматривал Киркегора и Достоевского в качестве философов-«двойников»: «Не только идеи, но и метод разыскания истины у них совершенно одинаковы и в равной мере не похожи на то, что составляет содержание умозрительной философии», оба ушли от Гегеля к «частному мыслителю» Иову, оба отчаянно боролись «с умозрительной истиной и с человеческой диалектикой, сводящей «откровение» к познанию» [11, с. 21-22]. По убеждению Шестова, Киркегора и Достоевского сближало представление о сути первородного греха: человек во главу угла поставил знание, рациональность, что загнало его в тиски «всменности», поставило в рабскую зависимость от Необходимости, от призрачной «власти дважды два четыре» или «власти вечных самоочевидных истин» [Там же, с. 23], тем самым лишив человека его самости – «веры, определявшей собой отношение твари к Творцу и знаменовавшую собой ничем не ограниченную свободу и беспредельные возможности» [Там же, с. 18].

Следует обратить внимание, что уже Л. Шестов наметил три важных направления в изучении темы «Русская литература XIX века и Киркегор»: 1) обнаружение некоторых похожих биографических моментов, повлиявших на мировоззрение писателей и их творчество; 2) рассмотрение особенностей идейного пафоса и художественно-философского мировосприятия русского автора, сближающих его с экзистенциальными размышлениями, поисками и открытиями Киркегора; 3) выявление сходства в самом творческом методе «разыскания истины» русскими писателями и Киркегором.

О глубококом духовном родстве между Киркегором и Достоевским неоднократно писал и исследователь из Копенгагенского университета А. Фришман: Киркегор и Достоевский «не только критиковали самоуверенность, высокомерие европейской культуры и высказывали сомнение в будущем европейской цивилизации, но и предстоящая катастрофа ее была одной из тем» [9, с. 588]. Оба обнаруживали банкротство современного христианства, оба верили в обновление через страдание, хотя при этом Киркегор надеялся только на готового к самопожертвованию «единичного», а Достоевский призывал к обновлению «на почве православного братства» [9, с. 590]. Ученый отмечает также «страстный диалогизм», стремление писателей к «непрямой коммуникации» с читателем через полифоничность поэтики у Достоевского и сложную игру с использованием персонажей-псевдонимов у Киркегора.

Известный философ В. В. Библихин находит «заметные черты близнецов» в Киркегоре и Гоголе: «Здесь и почти в точности одинаковый и краткий отрезок времени, занятый обоими в европейском XIX веке; и подчеркнутое, заметное безбрачие обоих, или невозможность пригласить другого разделить с собой судьбу, потому что сама жизнь для обоих была острейшей проблемой; и почти одинаковый, собственно своевольный уход из жизни. Дальше – союз эстетики (художества) и проповеди у обоих; у обоих – маски, у Киркегора его псевдонимы, у Гоголя – его персонажи как срывающиеся с самого же себя личины...» [1, с. 82-83]; сближает обоих пророков катастрофическое непонимание эпохой их эстетики, их трагического юмора, их проповеднического порыва к подлинной правде христианства, их жертвенности во имя истины («за ближних в обоих смыслах этого предлога – и ради них, и вместо них» [Там же, с. 90]. Импонирует не только содержание статьи, но и взвешенный подход философа к проблеме «узнавания» Киркегора и Гоголя: «Ни в коей мере не знаток Киркегора, не прочитавший и малой части его почти пятидесяти (если включить письма и документы) томов, я не могу сообщить о нем ничего нового и только приоткрываю тему, которая, по-моему, должна занять свое место в размышлениях о XIX веке и помочь в понимании обоих пророков, чьи имена я называю рядом» [Там же, с. 82]. Речь в статье идет не о типологии, не о заимствованиях и влияниях, а о таинственной связи духовного мира уникальных и неповторимых личностей.

Философ и культуролог Н. Ф. Болдырев отмечает общность между Киркегором и Львом Толстым, которые подвергли критике официальное рутинное христианство, дойдя до полного разрыва с Церковью. Религиозные пути писателей-этиков, как называет Киркегора и Толстого исследователь, считавших самым важным в своей жизни улучшение собственной души, носят, по мнению Н. Ф. Болдырева, сходные черты: это и «могучая воля в исследовании «абсолютного дна» своей души, нашедшая воплощение в многочисленных и многоподробных дневниках, и экстатическая приверженность теме брака, и переживание отчаяния («болезни к смерти»), и противопоставление веры греховности, и знание о трех стадиях внутреннего пути человека, и одиночество, непонимание со стороны окружающих» (см.: [2, с. 259-301]).

Необходимо подчеркнуть, что значение философии Киркегора далеко не исчерпывается его христианскими убеждениями. «Если отвлечься от религиозной атмосферы, в которой прошла вся жизнь Киркегора, вопрос о субъективном, то есть о месте индивида в качестве единичного субъекта, остается отправным пунктом в философии многих более поздних мыслителей» [10, с. 209], – отмечает Р. Хесс. «Оставаясь в <...> секулярном измерении, мы можем точнее определить практический смысл творчества Киркегора как экзистенциальную реабилитацию современности, понимая под этим трансформацию эпохи через экзистенциальное преобразование единичных индивидуумов. Суть этого преобразования заключается в восстановлении способности (читателя) становиться этической самостью, или самоопределяться в своей конкретно-исторической ситуации» [12, с. 86], – утверждает другой современный исследователь философии Киркегора.

В последнее время внимание многих литературоведов привлекает к себе тема «Лермонтов и Киркегор», поднятая в 1941 г. В. В. Перемилоским [7]. Убедительные примеры того, что экзистенциальные искания датского философа шли параллельно с художественными поисками Лермонтова, мы находим в статье филолога и культуролога В. И. Мильдона «Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской

параллели». Действительно, смысл и даже стиль высказываний персонажа Киркегора и лермонтовского героя поразительно схожи, «некоторые суждения киркегоровского обольстителя служат едва ли не комментарием шагов» Печорина [5]. Как справедливо заметил В. И. Мильдон, «совпадения Лермонтова и Киркегора вызваны тем, что независимо один от другого каждый высказал новый — для тогдашней умственной ситуации Европы — взгляд на проблему человека» [Там же]. На наш взгляд, достоинством и одновременно недостатком этой замечательной статьи является ярко выраженная в ней апология эстетизма.

Литературоведческий дискурс в работах, посвященных лермонтовско-киркегоровским параллелям, обнаруживает еще один важный подход к изучению темы «Русская литература и Киркегор»: «исследование общности образов в конкретных художественных проявлениях обоих писателей» [6, с. 113]. Филологические изыскания при этом распространяются, прежде всего, на таких персонажей, как лермонтовский Печорин, «автор» знаменитого «Журнала» (1841 г.), и киркегоровский Йоханнес-обольститель, «автор» не менее знаменитого «Дневника обольстителя» (1843 г.) (или, в другом переводе, «Дневника соблазнителя»).

Например, Н. Б. Тетенков и В. В. Лашов в статье «Кьеркегор и Лермонтов: образ рефлексизирующего соблазнителя» подробно рассматривают метод обольщения, объединяющий лермонтовского Печорина и киркегоровского Йоханнеса, делая вывод, что Йоханнес и Печорин – типичные эстетики (в киркегоровской терминологии), а произведения Киркегора и Лермонтова представляют собой синтез литературы и философии [8, с. 90-100].

А. Г. Овчинников в интересной содержательной статье ««Дневник обольстителя» С. Кьеркегора и «Журнал Печорина» М. Ю. Лермонтова в контексте постромантизма» [6] выявляет экзистенциальный смысл «мотива соблазнения», в основе которого лежит сближающий героев конфликт с миром обыкновенных людей, властью «общего», обыденного. Постромантические взгляды Киркегора и Лермонтова отразились на особенностях изображения известных еще романтикам архетипов Художника (Йоханнес) и Героя (Печорин), экзистенциальные сознания которых предстают в «Дневнике» и «Журнале» по преимуществу автономными в силу их уникальности и враждебности по отношению к миру обыденности, однако (что характерно уже для эпохи постромантизма) они оказываются «разомкнутыми для различного рода понимания» [6, с. 127], поскольку сами воспринимаются только «на границах» сознаний других героев (у Кьеркегора это редакторы и издатели, прочие авторы-герои, у Лермонтова – издатель-повествователь, рассказчик Максим Максимович); тем самым произведения лишаются «финализма», «суммирующего итога» [Там же, с. 126].

Наиболее развернутым исследованием, посвященным теме «Русская литература и Киркегор», является, на наш взгляд, статья профессора университета Клагенфюрт (Австрия) Рудольфа Нойхойзера «*Sechov und das Kierkegaardische Paradigma*» («Чехов и киркегоровская парадигма») [13]. Ученый справедливо отмечает, что Сёрен Киркегор, проанализировав две основные формы существования человека своего времени (эстетическую и этическую), открыл и описал распространенную и даже универсальную, формально-содержательную парадигму, не имеющую национальных границ. По мнению исследователя, киркегоровская парадигма (закрывающаяся, как ее достаточно узко понимает Р. Нойхойзер, в противостоянии эстетического человека этическому) обнаруживается в основе многих произведений русской литературы, начиная с конца восемнадцатого столетия вплоть до рубежа XIX-XX вв.: в творчестве Карамзина, Гончарова, Тургенева, Достоевского, Л. Толстого, Чехова.

В вымышленной переписке Н. М. Карамзина «Мелодор к Филалету» и «Филалет к Мелодору» противопоставлены друг другу Мелодор – поэт, почитатель красоты и гармонии, эстетически живущий человек, и Филалет, который ведет этически определенную жизнь [Ibidem, S. 49].

Эстетическое переживание красоты лежит в основе поздней романтической лирики и русской прозы пятидесятых годов (например, «Яков Пасынков» Тургенева). В большинстве случаев идеалистически настроенного поэта этого времени можно назвать, с точки зрения Р. Нойхойзера, олицетворением эстетически живущего человека. Ученый выделяет следующие существенные мотивы этой поэзии эстетиков – склонность к воспоминаниям, повышенную тенденцию к рефлексии, мотив мировой скорби, разочарования в жизни и любви, досрочной «старости души», безразличия [Ibidem, S. 50].

Исследователь находит вариант киркегоровской оппозиции и в романах Гончарова. Уже в первом романе «Обыкновенная история» племяннику, Адуеву-младшему, молодому человеку с литературными амбициями и типичным поведением эстетика, противопоставлен дядя, Адуев-старший, воплощающий традиционные этические принципы. Та же ситуация, по мнению Р. Нойхойзера, определяет противопоставленность характеров в романе «Обломов»: Штольц – этически живущий человек, а Обломов, который был в университетские годы типичным эстетиком, в описанное в романе время ведет этико-религиозно мотивированное существование. В третьем романе Гончарова «Обрыв» художник Райский, по мнению австрийского филолога, воплощает для Гончарова идеальный тип эстетика, так же как для Киркегора Дон Жуан. Когда Райский не испытывает влюбленности, его разрушает экзистенциальная скука. Этик воплощен в утопическом образе лесопромышленника Тушина, в котором гармонично сочетаются интеллигентность, нравственные и религиозные ценности [Ibidem, S. 51].

Р. Нойхойзер пишет и о том, что тип идеалистически и романтично настроенного *мечтателя*, сходный с эстетиком Киркегора, оформился в раннем творчестве Ф. М. Достоевского. И в шестидесятые годы творчество Достоевского нередко, как замечает ученый, как будто прямо обращает нас к сочинениям датского философа, и, наоборот, многие места из киркегоровских произведений звучат как комментарии к персонажам романов Достоевского. Незвестный «человек из подполья», который появляется в разных вариантах в текстах Достоевского, аналогичен замкнутому на самом себе эстетике Киркегора. Многие персонажи –

от Макара Девушкина и господина Голядкина до Неточки Незвановой, а также поздние герои в «Братьях Карамазовых» и во «Сне смешного человека» – тоже демонстрируют черты киркегоровского эстетика: рефлексию и наслаждение, желанную печаль, тайные мучения души, требование безусловной любви, иллюзии и отчужденность, скуку и меланхолию, апатию и отчаяние [Ibidem, S. 51-52].

Л. Н. Толстой, на взгляд Р. Нойхойзера, всегда метался между эстетическим и этическим существованием, об этом свидетельствуют его дневники и творчество. Противостояние нашло отражение в фигурах Наполеона и Пьера Безухова: первый – воплощение всего лживого и искусственного, соблазна эстетического, второй – этик. Только этическая позиция моральной ответственности, которая проясняется описанием семейной жизни Пьера и Наташи, может дать надежную основу жизни [Ibidem, S. 52].

Особое внимание исследователь уделяет Чехову, анализируя с точки зрения киркегоровской парадигмы повести и рассказы «Дуэль», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека», «Анна на шее», «Человек в футляре» и другие. Например, в «Палате № 6» образованный Иван Дмитриевич Громов, который любит женщин и всегда страстно говорит о любви, – эстетик, далекий от реальной жизни. Андрей Ефимыч Рагин в юности был религиозным человеком и, будучи врачом, занял рациональную и этическую позицию моралиста, в основе которой так же, как у Громова, оторванные от действительности абстрактные и теоретические установки. Рагин убегает от конкретной жизни в наслаждение чтением. Бегство от реальности кончается для обоих героев в психиатрии [Ibidem, S. 57-58].

Владимир Иванович, центральный персонаж «Рассказа неизвестного человека», родственен мечтателю Достоевского. Другой герой, Орлов, циник и кутила, демонстрирует поведение эстетика [Ibidem, S. 58]. В «Доме с мезонином» эстетически живущий художник-пейзажист противостоит этической системе ценностей служащей земства. В «Анне на шее» перед нами предстают карьерист Модест Алексеевич, придерживающийся ложного морального облика, и его беззаботная супруга Аня, романтический, эстетически живущий человек: в рассказе показана аморальность обеих позиций, подчиненных эгоистическому удовлетворению желаний [Ibidem].

В повести «Дуэль», с точки зрения Р. Нойхойзера, также можно увидеть обе экзистенциальные позиции. Лаевский – это романтик и Дон Жуан, эстетик, а его противник – завуалированный действующий моралист. В конце повести Чехов намекает на зарождение этического чувства ответственности в Лаевском, который склоняется к этическому выбору, но финал все же остается открытым. По мнению ученого, писатель сводит обе позиции к банальности и иронизирует по их поводу [Ibidem, S. 57].

Чеховский принцип редукции экзистенциальных позиций проявляется еще более отчетливо, по мнению Р. Нойхойзера, в «Человеке в футляре», на примере преподавателя греческого языка Беликова. Эстетический момент снижается до иллюзии «прекрасного», этический принцип показан как основанный на приказах и запретах, несмотря на их осмысленность или отсутствие смысла. Жизнь снова и снова ускользает в банальность, в *пошлость*, как замечает другой чеховский персонаж, учитель словесности Никитин [Ibidem, S. 58].

Основной вывод, который делает Р. Нойхойзер, таков: Чехов усваивает киркегоровскую оппозицию эстетика и моралиста в ироническом ключе, редуцируя ее, упрощая и сводя к банальности. Несмотря на смешные и тривиальные перевертыши, эта оппозиция остается жизненно важной для Чехова. Трагическая и роковая дилемма эстетического и этического, в конечном счете, неразрешима, поскольку эта неразрешимость, с точки зрения Чехова, является *conditio humana* (непременным условием существования человека). И это *conditio humana* реализуется автором как изначально заданная жизненная перспектива неизлечимо больного, которому «мир», «судьба», «Бог» отказывают в подлинной, наполненной жизненной энергией, экзистенции. Как врач Чехов полностью осознает эту трагическую заданность существования. Здесь чеховский автобиографический контекст встречается с жизнеощущением декаданта *Fin de siècle*: и то и другое проецируются на традиционный комплекс мотивов, объединенных как киркегоровская парадигма (см.: [Ibidem]).

На наш взгляд, со многими комментариями, интерпретациями и выводами австрийского слависта можно поспорить. Р. Нойхойзера прежде всего интересует эстетическая сфера, поэтому он достаточно подробно рассматривает эстетическое существование, выделяя его основные признаки и особенности, при этом основополагающие, сущностные признаки этической сферы не раскрываются. Остается невыясненным, что же не только Киркегор вкладывал в понятие этического, но и сам автор статьи.

Под этическим Р. Нойхойзер понимает то «традиционные этические принципы» [Ibidem, S. 51], то ложные моральные правила поведения, то «гармоническое сочетание интеллигентности, нравственных и религиозных ценностей» [Ibidem, S. 58], то позицию моральной ответственности, то точку зрения, «в основе которой оторванные от действительности абстрактные и теоретические установки» [Ibidem]. На этом основании исследователь относит к этикам Петра Адуева, Штольца, Тушина, Пьера Безухова, фон Корена, Рагина, Лиду Волчанинову, Модеста Алексеевича, наконец, Беликова.

Можно вполне согласиться с киркегоровской параллелью в понимании толстовских персонажей – Наполеона и Пьера как воплощения эстетика и этика, поскольку их разводит по противоположным полюсам отношение к человеку и самоопределение личности: эгоцентризм Наполеона, забавляющегося властью над людьми, и стремление Пьера «сопрягать» собственные духовные устремления с народной правдой и его жажда нравственного совершенствования. Для Киркегора важна не формальная этика, которую он иронично высмеивал, а личностная заинтересованность в духовном росте своего Я. Главное здесь – внутреннее побуждение человека быть нравственным и взять на себя ответственность за самоосуществление. С точки зрения киркегоровской концепции личности, Петр Адуев, Штолец, фон Корен – все же не этики, а прагматики, нравственность которых строится на побуждениях выгоды. Формальное соответствие принятым в обществе

правилам поведения приличного человека (комильфо) и здравый взгляд на вещи отличают старшего Адуева, стремление управлять не только собой, но и другими людьми, обществом, миром, в конце концов, характерно для гончаровского Штолца и чеховского фон Корена.

История изучения темы «Чехов и Кьеркегор» достаточно подробно представлена в нашей статье «Чехов и Кьеркегор: к вопросу о типологических и генетических связях» [4]. Большой вклад в исследование кьеркегорско-чеховских параллелей внесла американский славист, исследователь из Корнельского университета Марена Сендерович, доказавшая, что обращение к писательской позиции Кьеркегора, его мировоззрению, манере общения с читателем может прояснить некоторые важные стороны творческой личности Чехова: его отношение к самому себе и к своему писательству, его мироощущение, характер его диалогичности, поэтику и стиль (см.: [14, S. 29-44]).

Подведем некоторые итоги: темы «Чехов и Кьеркегор» «Гоголь и Кьеркегор», «Лермонтов и Кьеркегор», «Достоевский и Кьеркегор», «Лев Толстой и Кьеркегор», безусловно, заслуживают дальнейших серьезных философских и литературоведческих изысканий. Особого разговора требует эпоха Серебряного века, когда пробудился подлинный интерес к Кьеркегору. Нельзя не признать, что философия Сёрена Кьеркегора, открывающая не только новое знание о человеке и мире, но и новые подходы к постижению загадки человеческого существования и литературы как художественной антропологии, остается востребованной в XXI веке.

Список литературы

1. Бибухин В. В. Кьеркегор и Гоголь // Мир Кьеркегора. Русские и датские интерпретации творчества Сёрена Кьеркегора. М.: *Ad Marginem*, 1994. С. 82-90.
2. Болдырев Н. Ф. Болезнь-к-жизни (О пути Льва Толстого с постоянной оглядкой на Кьеркегора) // Янко Лаврин. Лев Толстой, сам свидетельствующий о себе и своей жизни. Челябинск: Урал LTD, 1999. С. 259-301.
3. Больнов О. Ф. Философия экзистенциализма. СПб.: Лань, 1999. 224 с.
4. Зайцева Т. Б. Чехов и Кьеркегор: к вопросу о типологических и генетических связях // Проблемы истории, филологии, культуры. М. – Магнитогорск – Новосибирск: РАН; Ин-т археологии РАН; Ин-т археологии и этнографии РАН; Магнитогорский гос. ун-т, 2012. № 1. С. 265-274.
5. Мильдон В. И. Лермонтов и Кьеркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели [Электронный ресурс] // Октябрь. 2002. № 4. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2002/4/mil.html> (дата обращения: 04.04.2014).
6. Овчинников А. Г. «Дневник обольстителя» С. Кьеркегора и «Журнал Печорина» М. Ю. Лермонтова в контексте постромантизма // Романтизм vs реализм: парадигмы художественности, авторские стратегии: сб. науч. ст.: к 100-летию со дня рождения проф. И. А. Дергачева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 111-129.
7. Перемиловский В. В. Лермонтов. Харбин – Прага, 1941. 58 с.
8. Тетенков Н. Б., Лашов В. В. Кьеркегор и Лермонтов: образ рефлексующего соблазителя // Философия и общество. 2010. № 4. С. 90-100.
9. Фришман А. Достоевский и Кьеркегор: диалог и молчание // Достоевский в конце XX века: сб. ст. / сост. К. А. Степанян. М.: Классика плюс, 1996. С. 575-591.
10. Хесс Р. 25 ключевых книг по философии. Челябинск: Урал LTD, 1999. 365 с.
11. Шестов Л. Кьеркегард и экзистенциальная философия. М.: Прогресс; Гнозис, 1992. 304 с.
12. Щитцова Т. В. Экзистенциальная терапия, или Как практикуют философию: к актуальности Кьеркегора в современную эпоху // Логос. 2006. № 5 (67). С. 84-99.
13. Neuhäuser R. Čechov und das Kierkegaardische Paradigma // Anton P. Čechov — Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und Werk. München: Verlag Otto Sagner, 1997. S. 45-58.
14. Senderovich M. Чехов и Кьеркегор // Anton P. Čechov — Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und Werk. München: Verlag Otto Sagner, 1997. S. 29-44.

RUSSIAN LITERATURE OF THE XIX CENTURY AND KIERKEGAARD: FROM BACKGROUND OF PROBLEM

Zaitseva Tat'yana Borisovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
 Nosov Magnitogorsk State Technical University
 tbz@list.ru

The article examines the background of the problem "Russian literature of the XIX century and Kierkegaard" for the first time, points out the main directions of the research of this subject. On the basis of the works of the philologists, philosophers, culturologists, the author comes to the conclusion about the validity, relevance and prospects of the further study of the problem. The epoch of the Silver Age requires the special analysis, when the genuine interest in Kierkegaard's philosophical views was awoken.

Key words and phrases: Russian literature of the XIX century; literary-philosophical parallels; existential philosophy; Kierkegaard paradigm; existential position; aesthetic and ethical.